Ежегодник Япония. 2018. Т. 47. С. 29–54.
Yearbook Japan, 2018, vol. 47, pp. 29–54.
DOI: 10.24411/0235-8182-2018-10002

Прошлое и настоящее Сил самообороны Японии: роль в государстве, обществе и на международной арене

А. А. Киреева, В. В. Нелидов

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу роли Сил самообороны Японии (ССЯ) в японском государстве и обществе. Авторы рассматривают трансформацию международно-политического и правового статуса национальных вооружённых сил на протяжении всего послевоенного периода их существования, с момента создания в годы оккупации до нынешней ситуации в условиях премьерства С. Абэ, оценивают роль современных ССЯ в политической системе, экономике и обществе, а также уделяют особое внимание перспективам приобретения Японией ядерного оружия.

Несмотря на сохранение связанных с «мирной» 9 статьёй Конституции страны существенных ограничений на использование военной силы как инструмента внешней политики, ССЯ являются современными вооружёнными силами, не уступающими или даже опережающими многие армии других развитых государств. Кроме того, несмотря на значительное распространение пацифистских настроений в Японии, в обществе фактически сложился консенсус относительно значимости и важности ССЯ для страны. Немалую роль в этом играет их активное использование для решения невоенных задач, таких, как ликвидация последствий стихийных бедствий и катастроф. Исходя из этого, в статье формулируются возможные сценарии дальнейшего развития роли ССЯ, от консервативного, при котором даже имеющие место в настоящее время подвижки в области политической безопасности не приведут к качественному изменению задач ССЯ, ориентированных, главным образом, на обеспечение обороны самой Японии и весьма ограниченное международное сотрудничество, до более смелого, при котором указанные подвижки приведут в средне- и долгосрочной перспективе к качественному изменению роли Японии на международной арене и превращению её в «нормальное государство», способное и готовое использовать собственные вооружённые силы не только для индивидуальной, но и для коллективной самообороны, а в перспективе – и для более широкого спектра операций.

Ключевые слова: Силы самообороны, вооружённые силы, 9 статья, вооружённые силы и общество, вооружённые силы и экономика, военная политика, политика в области безопасности, ядерное оружие, Япония.

Авторы:

Киреева Анна Андреевна, кандидат политических наук, доцент кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России. E-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru

Нелидов Владимир Владимирович, преподаватель кафедры востоковедения, МГИМО МИД России; научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН. E-mail: nelidov.v.v@my.mgimo.ru

Место и роль вооружённых сил в Японии в известной степени уникальны, если сравнивать их с армиями других государств Восточной Азии и стран Востока в целом. С одной стороны, призванные не допустить ремилитаризации Японии нормы, среди которых центральную роль занимает «пацифистская» 9 статья Конституции страны, продолжают оказывать определяющее влияние на развитие национальных вооружённых сил, ограничивая возможности их использования за пределами страны и не допуская быстрого наращивания их потенциала. С другой стороны, Силы самообороны Японии (ССЯ) являются современными и хорошо оснащенными, пусть и не очень многочисленными вооружёнными силами, сопоставимыми с армиями других ведущих государств мира. В настоящей статье рассматриваются основные этапы развития ССЯ после Второй мировой войны, нормативно-институциональной базы этого развития, а также анализируются ключевые проблемные моменты современного положения ССЯ: перспективы приобретения Японией ядерного оружия, статус ССЯ как политического института, экономические аспекты военного строительства, а также место ССЯ в японском обществе. Заключительный раздел подытоживает итоги проведённого анализа и предлагает возможные сценарии дальнейшей эволюции состояния и роли ССЯ.

Правовое и международно-политическое положение Сил самообороны Японии после Второй мировой войны

Современное правовое положение армии в Японии связано с послевоенным урегулированием и режимом. Хотя исторически для Японии была характерна значительная роль армии, а в первой половине XX в. в стране был установлен милитаристский режим, после поражения во Второй мировой войне в Японии произошёл коренной пересмотр роли вооружённых сил. Под прямым американским влиянием была принята Конституция 1947 г., в соответствии с 9 статьёй которой Япония отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения силы как средства разрешения международных споров.

Сразу после капитуляции Японии и её оккупации США и их союзниками императорские армия и флот были распущены, а безопасность обеспечивала оккупационная администрация. В 1950 г. главнокомандующий оккупационными войсками генерал Дуглас Макартур издал декрет о создании резервного полицейского корпуса со штатом 75 тыс. человек, в 1952 г. переименованного в корпус безопасности. В 1951 г. параллельно с Сан-Францисским мирным договором заключается первый Договор безопасности с США, предполагающий исключительное право американской стороны на размещение вооружённых сил на территории Японии, использование баз для проведения ими боевых операций в регионе в целях обеспечения безопасности и защиты территории Японии от внешних угроз, возможность использования войск США для

подавления внутренних беспорядков и невозможность Японии предоставлять военные базы другим государствам без согласия США. Таким образом, целью США на первоначальном этапе было предотвращение милитаризации Японии и возможности реванша с её стороны, стабилизация её внутренней ситуации и недопущение перехода Японии на сторону социалистического лагеря [Samuels, 2007, pp. 38–39].

В 1954 г. корпус безопасности был переименован в Силы самообороны Японии (ССЯ) в соответствии с законом об их создании и было учреждено Управление национальной обороны (УНО). Были сформированы наземные, морские и воздушные силы самообороны. В 1960 г. между Японией и США был заключён новый, более равноправный договор о взаимном сотрудничестве и безопасности. Хотя он и содержал гарантии безопасности Японии со стороны США, но в соответствии с 5 статьёй Договора, в случае нападения на Японию каждая сторона должна действовать в соответствии с конституционными процедурами для отражения атаки. В итоге всего комплекса договоренностей послевоенного урегулирования в обмен на предоставление своей территории для военных баз Япония получила гарантии безопасности от сверхдержавы, включая возможности сдерживания благодаря «ядерному зонтику», завершение американской оккупации и восстановление своего суверенитета, а также льготный доступ к американскому рынку, финансовой помощи, международным финансовым институтам и трансферу технологий [Hughes C.W., 2017a, pp. 84–85].

«Доктрина Ёсида», по имени премьер-министра Японии Ёсида Сигэру, который возглавлял Японию с небольшим перерывом с 1946 по 1954 г., заложила основы внешней политики Японии и политики в области безопасности. Эта политика, продолженная и при преемниках С. Ёсида, сводилась к трём элементам: 1) главной целью внешней политики Японии является экономическое восстановление; 2) Япония должна тратить минимальные ресурсы на своё вооружение и избегать прямого вмешательства в международные конфликты; 3) для получения гарантий своей безопасности Япония опирается на союз с США. Начиная с 1960-х годов установившейся практикой стало ограничение расходов на оборону на уровне до 1% от ВВП, а Официальная помощь развитию (ОПР) стала главным инструментом внешней политики Японии [Pyle, 2007, pp. 234, 238–242].

Под влиянием вышеописанных процессов в совокупности с памятью об атомных бомбардировках 1945 г. в Японии после Второй мировой войны сформировалась «стратегическая культура пацифизма». Антимилитаристская идентичность в Японии включает в себя три элемента: 1) Япония не должна обладать традиционными вооружёнными силами; 2) Япония не должна использовать вооружённую силу кроме как для самообороны; 3) Япония не должна участвовать в войнах за рубежом.

Соответственно, Япония приняла принципы пацифизма во внешней политике, а закрепление статуса Сил самообороны Японии означало изменение роли армии, которая могла применяться исключительно в оборонительных целях [Oros, 2008, p. 10]. Подписание договора безопасности 1960 г. сопровождалось массовыми демонстрациями протеста, а во время войны во Вьетнаме, хотя Япония и выполняла роль тыловой базы американских войск, она открыто не декларировала поддержку США и тем более ССЯ не осуществляли помощь американским войскам [Стрельцов, 2015, с. 6–9].

В период холодной войны вследствие конституционных ограничений и антимилитаристских принципов Япония смогла минимизировать международные обязательства по поводу участия в военных операциях. В частности, в 1954–2014 гг. официальный Токио придерживался интерпретации Конституции, в соответствии с которой право на коллективную самооборону противоречит статье 9, т. к. нарушает принцип минимально необходимого использования вооружённой силы. [Hughes C.W., 2017b, pp. 100–102]. С 1976 г. Япония ввела запрет на экспорт военных технологий и продукции двойного назначения (соблюдавшийся за исключением нескольких проектов с США).

Начиная с 1970-х годов США стали пересматривать уровень военной поддержки союзников в сторону их большей самостоятельности (т. н. доктрина Никсона) и начали подталкивать Японию к увеличению уровня боеспособности ССЯ. В 1976 г. впервые принимается ключевой документ, определяющий основные цели, ориентиры и принципы оборонного строительства ССЯ – «Основные направления программы национальной обороны». В 1978 г. были приняты «Руководящие принципы японо-американского сотрудничества в области обороны», заложившие основы координации двух стран в этой сфере. В 1980 г. СССР был назван в качестве военной угрозы, в 1981 г. японский лидер впервые называет отношения с США альянсом (за чем последовали широкие протесты), и в конце 1970-х – начале 1980-х годов ССЯ начинают усиливать свой оборонный потенциал (с численностью свыше 200 тыс. человек). В 1981 г. премьер-министр Дз. Судзуки впервые обозначил в качестве обязанностей ССЯ защиту морских путей сообщения в радиусе 1 тыс. морских миль. Стремление премьер-министра Я. Накасонэ пересмотреть «доктрину Ёсида» и сформулировать новую внешнюю политику Японии в соответствии с её возросшей экономической мощью не увенчалось успехом, но при нём шла активная модернизация ССЯ. Тем не менее, хотя Япония и стала брать больше ответственности за защиту собственной территории, на протяжении всего периода холодной войны её первоочередной задачей было не допустить своего вовлечения в конфликты [Hughes C.W., 2017a, pp. 85–87; Hughes C.W., 2017b, pp. 99–100, 102–103].

Трансформация роли Сил самообороны после окончания холодной войны

После окончания холодной войны и распада биполярной системы возникают новые вызовы в сфере безопасности и требования со стороны США увеличить вклад Японии в обеспечение безопасности. В ходе войны в Персидском заливе в 1990–1991 гг. Япония смогла предоставить только финансовую помощь в размере $13 млрд и провести операцию по разминированию уже после окончания военных действий. Неспособность Японии принять участие в международной военной операции привела к дискуссиям по переоценке возможности участия ССЯ в операциях за рубежом. В 1992 г. принимается закон о международном сотрудничестве по вопросам миротворчества, в соответствии с которым ССЯ предоставлялось право принимать участие в небоевых миротворческих операциях ООН. Начиная с 1992 г. Япония приняла участие в более чем 14 миротворческих операциях (в Камбодже, Восточном Тиморе, Гаити, Южном Судане и др.), 5 операциях по оказанию гуманитарной помощи (Руанда, Афганистан, Ирак, Восточный Тимор), 9 операциях по наблюдению за выборами, послав совокупно более 10 300 человек. Япония занимает место по размеру вклада в бюджет ООН по миротворческой деятельности (свыше 10%) [Кокурэн хэйва идзи кацудо: 2017]. При этом японский персонал может применять силу только для самообороны, не имея права защищать миротворцев других стран или мирное население.

Япония также начала участвовать в операциях помощи войскам США: с 2001 по 2010 г. она оказывала тыловую поддержку судам коалиции под руководством США в Афганистане (снабжение топливом, заправка) в Индийском океане. Для этих целей был принят Закон о специальных мерах по противодействию терроризму. С 2004 по 2008 г. Япония впервые послала корпус ССЯ в Ирак без санкции ООН, когда там завершилась активная фаза вооружённого конфликта. Персонал ССЯ в составе 600 человек находился в Ираке на ротационной основе для миссии по восстановлению инфраструктуры и оказанию помощи местному населению. Для участия ССЯ в этой миссии Парламентом Японии в 2003 г. был принят Закон о специальных мерах по оказанию гуманитарной помощи и помощи в реконструкции Ирака. В 2011 г. Япония создала первую зарубежную базу ССЯ в Джибути для борьбы с пиратством [Hughes C. W., 2017a, p. 91; Hughes C. W., 2017b, pp. 103–105].

Ключевыми концептуальными и юридическими документами, регламентирующими положение, цели и принципы деятельности ССЯ, являются «Основные направления программы национальной обороны» (1976, 1995, 2004, 2010, 2013), среднесрочные программы развития оборонного потенциала сроком на пять лет, а также впервые принятая в 2013 г. Стратегия национальной безопасности. «Основные направления»

содержат обзор вызовов и угроз национальной безопасности, окружающей среде, основных направлений и принципов политики в области безопасности, роли ССЯ, их структуры (сухопутные, морские и воздушные), функций и архитектуры в целях комплексного обеспечения безопасности. Кроме того, в 1997 и 2015 г. были приняты обновлённые «Основные направления оборонного сотрудничества» между США и Японией. В документе 1997 г. прописываются основные принципы и механизмы сотрудничества Японии и США в мирное время (обмен информацией, политические консультации, различные типы сотрудничества между оборонными ведомствами, совместное планирование, учения и т.д.) и в случае военных действий, а также принимается ситуационное, а не географическое обоснование для выделения ситуаций в зонах, окружающих Японию и оказывающих значительное влияние на её безопасность.

Появление новых вызовов региональной безопасности, прежде всего, развитие ракетно-ядерной программы КНДР и усиление Китая, породило дискуссию внутри Японии о том, как следует реагировать на эти изменения. Начались дебаты о том, может ли Япония стать «нормальной державой», и если да, то каким образом. Несмотря на то, что Япония имеет одну из самых модернизированных и хорошо оснащённых армий мира, «ненормальной» Японию делают законодательные ограничения на способность применять ССЯ, а также антимилитаристские настроения и особое положение в рамках альянса с США как «клиента» их гарантий безопасности [Soeya, Tadokoro, Welch, 2011, pp. 3–9].

Пересмотр политики в области безопасности находил отражение в дебатах по поводу пересмотра 9-й статьи Конституции Японии; в создании Министерства обороны вместо Управления национальной обороны в 2007 г., что усилило его роль в принятии решений; всесторонней модернизации ССЯ и укреплении собственного оборонного потенциала; постепенном отказе от многих элементов послевоенной доктрины в обновлённых Основных направлениях программы национальной обороны в 1995, 2004, 2010 г.; усилении японского участия в японо-американском военно-политическом альянсе (принятие таких документов, как Совместная декларация по безопасности 1996 г., Основные направления оборонного сотрудничества 1997 г., Общие стратегические цели 2005 г.); развертывании совместно с США системы ПРО ТВД начиная с 2003 г., которое предполагает институционализацию обмена информацией и интеграцию командования и управления; отправке Японией ССЯ за рубеж – в Индийский океан и Ирак; участии ССЯ в миротворческих операциях под эгидой ООН; усилении централизации национальной разведки и др. Тем не менее, несмотря на усиление военного потенциала и увеличение географического и функционального охвата альянса безопасности, Япония стремилась осуществлять эволюцию политики в области безопасности в рамках «доктрины Ёсида», «растягивая» её пре-

делы, но не допуская возможности военного участия и права на коллективную самооборону [Hughes C.W., 2017a, pp. 89–92].

Принятые в 2010 г. во время трёхлетнего нахождения у власти Демократической партии Японии Основные направления программы национальной обороны заменили концепцию базовых Сил самообороны, принятую во время холодной войны, на концепцию динамичной обороны. Оборонная политика теперь уже не просто нацелена на защиту территории Японии при минимальном уровне оборонного потенциала, а предполагает переход к динамичной обороне территории самой Японии, усиление потенциала на юго-западном направлении вследствие обострения угроз безопасности со стороны КНДР и КНР.

Трансформация политики в области безопасности и роли Сил самообороны Японии при администрации С. Абэ

Курс премьер-министра Японии С. Абэ, пришедшего к власти в декабре 2012 г., ставил целью заложить основы качественно иной политики в области безопасности и пересмотра функций ССЯ с целью активизации роли Японии в регионе и мире. В декабре 2013 г. были обнародованы новые концептуальные документы в области безопасности: принятая впервые Стратегия национальной безопасности, обновлённые Основные направления программы национальной обороны и Среднесрочная программа развития оборонного потенциала. Основные направления программы национальной обороны 2013 г. нацелены на создание динамичных объединённых сил самообороны общей численностью 159 тыс. человек, что предполагает улучшенную координацию между сухопутными, морскими и воздушными ССЯ, улучшение объединённого командования, укрепление ПРО, меры, направленные на противодействие киберугрозам, создание амфибийных подразделений. В декабре 2013 г. также был принят закон о защите государственной тайны и создан новый орган – Совет национальный безопасности, который призван координировать политику и способствовать централизации принятия решений в этой сфере. В апреле 2014 г. был отменён запрет на экспорт вооружений, продукции двойного и военного назначения и на участие в разработке новых вооружений и военных технологий. Предполагается, что за этим последует более тесное сотрудничество с США, Австралией, странами ЕС в этой сфере, которое позволит получить доступ к последним технологиям, что важно для Японии с учётом малых объёмов военного бюджета, а также предоставит возможности для экспорта. В феврале 2015 г. была принята новая «Хартия по развитию сотрудничества», которая впервые предоставляет возможность оказания помощи вооружённым силам других стран «для невоенных целей» в рамках ОПР. В 2015–2016 гг. Япония поставила по линии ОПР 6 кораблей береговой охраны для Вьетнама и 10 для Филиппин. Нако-

нец, Кабинет министров Японии 1 июля 2014 г., в день 60-летней годовщины создания ССЯ, принял резолюцию, направленную на изменение толкования 9 статьи Конституции в части права Японии на коллективную самооборону, а 20 сентября 2015 г. был принят пакет законов, легализующих право на коллективную самооборону [Hughes C.W., 2015, pp. 29–39, 92; Sakaki, 2015, pp. 7–22]. Законодательство вступило в силу 29 марта 2016 г. Реализация права на коллективную самооборону означает возможность использования Сил самообороны Японии в целях защиты союзников.

Помимо этого, были приняты законодательствы, расширяющие возможности использования ССЯ. Закон по обеспечению безопасности в чрезвычайных ситуациях, оказывающих значительное влияние на Японию, заменяет закон 1999 г., расширяет спектр операций по взаимодействию с вооружёнными силами США (включая логистическую поддержку) и делает возможной поддержку других стран в случае международных действий по противодействию угрозам миру и безопасности, а также возникновении угроз миру и безопасности Японии. Закон по поддержанию мира позволяет предоставлять логистическую поддержку многонациональным силам без принятия дополнительного законодательства. Поправки в закон по международному сотрудничеству по поддержанию мира позволяют ССЯ принимать участие в большем спектре миротворческих операций ООН, в том числе защищать транспортируемых гражданских лиц, помогать контингентам других стран, а также использовать больше вооружения в соответствии со стандартами ООН [Japan's Legislation for Peace and Security, 2016]. При этом дислокация ССЯ за рубежом разрешена только в том случае, если они не принимают участие в вооружённых операциях. Они могут защищать себя в рамках самообороны и (по новому законодательству) тех, кто находится под их протекцией, но по Конституции не имеют право принимать участие в межгосударственных конфликтах в случае, если это предполагает участие в военных действиях [Suzuki, Wallace, 2018, pp. 722–723].

Решение правительства Японии по поводу реализации права на коллективную самооборону включает в себя три критерия, при которых становится возможным принятие мер, направленных на помощь дружественной стране: 1) атака на союзника представляет явную угрозу существованию Японии или может значительным образом сказаться на реализации конституционных прав граждан Японии на жизнь, свободу и стремление к счастью; 2) другого способа отражения нападения и защиты Японии и японских граждан не существует; 3) использование силы сведено до минимально необходимого уровня [Japan’s Legislation for Peace and Security, 2016].

Правительство Японии представило следующие примеры использования Сил самообороны после принятия соответствующего законодательства:

защита кораблей ВМФ США в прилегающей к Японии акватории (обоснованная тем, что японо-американский альянс считается ключевым средством обеспечения безопасности Японии); помощь в эвакуации японских граждан, покидающих зону военных действий; перехват и инспекция судов в случае подозрения на провоз оружия для третьих стран, враждебно настроенных по отношению к США, когда существуют опасения в том, что война может перекинуться на территорию Японии; перехват баллистических ракет, направленных против США и летящих через территорию Японии; защита контингентов, участвующих в миротворческих операциях ООН за рубежом; разминирование морских путей сообщения на Ближнем Востоке, например, в Ормузском проливе, которые имеют ключевое значение для энергетической безопасности Японии, т.к. по нему доставляется 80% нефти в страну [How Japan might use its military in the future, 2014].

В апреле 2015 г. были приняты обновлённые Основные направления оборонного сотрудничества военно-политического альянса США и Японии, которые закрепили возможность совместных операций с учётом применения Японией права на коллективную самооборону (защита морских путей сообщения, пресечение нелегальных перевозок по морю, размещение ПРО, предоставление логистической помощи во время конфликтов и т. д.). Они содержат расширение функциональных сфер сотрудничества и делают возможными совместный обмен разведывательными данными, слежение и обнаружение, использование инфраструктуры, поддержание морской безопасности, сотрудничество в области противоракетной обороны, космической и кибернетической безопасности, миротворческих операциях, ликвидацию последствий стихийных бедствий, небоевые операции по эвакуации граждан. Документ также делает акцент на интегрированном подходе, при котором предполагается более глубокая интеграция и осуществление совместных миссий армии США и ССЯ при любых возможных сценариях и стадиях эскалации конфликта. Двустороннее сотрудничество провозглашается глобальным, не ограничиваясь пределами Японии и окружающих областей; предусматривается также возможность координации с третьими странами (например, Австралией) [The Guidelines for Japan – U.S. Defense Cooperation, 2015].

Решение правительства Японии предполагает использование права на коллективную самооборону в соответствии с 9-й статьёй Конституции только в том случае, когда какие-либо действия представляет угрозу безопасности Японии, и его использование возможно только в оборонительных, а не в наступательных целях. Внесённые изменения являются крайне умеренными, не меняющими в корне политику Японии в области безопасности [Green, 2014; Liff, 2015; Hosoya, 2015]. Критики данного решения делают акцент на угрозе того, что ССЯ из-за размы-

тости трёх вышеуказанных критериев могут использоваться за рубежом для защиты союзников Японии даже в том случае, если агрессия не будет напрямую направлена против Японии. Опасения окружающих Японию стран могут привести к тому, что подведение новой юридической базы под использование Сил самообороны вместо того, чтобы оказывать стабилизирующий эффект на военно-политическую ситуацию в регионе, может, наоборот, привести к усилению военно-политической конфронтации и формированию дилемм безопасности и конфликтных ситуаций с участием Японии [Hughes C.W., 2017b, pp. 115–126].

Важным вопросом оборонной политики Японии является пересмотр Конституции 1947 г. Премьер-министр С. Абэ в мае 2017 г. пообещал провести к 2020 г. реформу Конституции, ключевым вопросом которой является изменение именно 9-й статьи. Предлагаемая им поправка должна зафиксировать полное соответствие Сил самообороны Основному закону страны. Однако на сегодняшний день пока ещё отсутствует ясное понимание того, какой будет формулировка статьи, обозначающая статус ССЯ. Имеются опасения, что введение новой редакции статьи может привести к фактическому отрицанию пункта 2 данной статьи, в соответствии с которым в Японии «никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны». Кроме этого, существуют сомнения в том, нужно ли специально добавлять ещё одно предложение, касающееся де-факто уже давно существующих ССЯ – ни к каким реальным изменениям это всё равно не приведёт. Это обстоятельство позволяет оценить проект конституционных поправок скорее как символический шаг, тем более что общественное мнение страны по этому вопросу расколото напополам.

Кроме этого, в рамках оборонной политики кабинета С. Абэ остро стоят вопросы модернизации ССЯ, приобретения Японией новых видов наступательного вооружения, например, крылатых ракет, а также возможности нанесения превентивных ударов по КНДР в случае возникновения с её стороны угрозы прямой агрессии в отношении Японии.

В мае 2017 г. Япония вывела контингент ССЯ из Южного Судана, где он принимал участие в миротворческой миссии ООН, т.к. японский кабинет счёл ситуацию в стране слишком опасной для продолжения участия. По состоянию на июль 2018 г. Япония не принимает участие ни в одной миротворческой миссии ООН.

В целом принятые до настоящего времени изменения оборонной политики не носят кардинального характера, и до превращения Японии в «нормальную страну» (т.е. страну, проводящую полноценное и масштабное военное строительство, соответствующее её экономической мощи) пока ещё далеко. Хотя в Японии ведется дискуссия по поводу необходимости отказа от исключительно оборонительной политики и

усиления «автономной обороны», обретение реального военного потенциала сдерживания стоящих перед страной военных угроз фактически невозможно без кардинальной перестройки политики в области военной безопасности. Подобная трансформация включала бы серьёзное увеличение военного бюджета, получение Силами самообороны наступательных вооружений с большим радиусом поражения, а также принятие конституционных поправок, включающих отмену второго параграфа статьи 9 Конституции, который говорит о минимально необходимом уровне применения силы. Пока же политика в военной области Японии остается достаточно сдержанной. Немаловажную роль здесь играет как отрицательное отношение общественного мнения к курсу на милитаризацию страны, так и экономические, финансовые и демографические проблемы: старение населения вкупе с невозможностью серьёзного увеличения военного бюджета из-за низких темпов экономического роста не позволяют правительству С. Абэ осуществить задуманное [Suzuki, Wallace, 2018, pp. 715–726].

Перспективы обретения Японией ядерного оружия

Одна из ключевых проблем, касающихся перспектив военного строительства в Японии, – вопрос о том, обзаведётся ли Япония в обозримом будущем ядерным оружием. В научной литературе на этот счёт можно встретить диаметрально противоположные выводы, причём расхождение в оценках зависит от того, на какие именно факторы, обуславливающие возможность или невозможность нуклеаризации Японии, делает акцент тот или иной аналитик [Hughes L., 2007, p. 67].

Так, ещё с начала 1970-х годов Япония является «потенциальной» ядерной державой, способной, при наличии политической воли, за короткое время перейти в разряд реальных ядерных держав [Chanlett-Avery, Nikitin, 2009, p. 2]. По состоянию на 2017 г. Япония обладала порядка 50 т обогащённого плутония, что достаточно для производства более 5 тыс. ядерных зарядов [Kuperman, 2017]. Но это вовсе не означает, что создание собственного потенциала сдерживания будет для Токио простой технической задачей. Подобный проект потребует не только разработки ядерного устройства, но и создания необходимых носителей и иной военной инфраструктуры сил сдерживания. При этом географические особенности и высокая плотность населения Японии дополнительно осложняют задачу обеспечения устойчивости подобной инфраструктуры перед возможным превентивным ударом противника.

Другой аргумент в пользу возможного создания Японией собственного потенциала сдерживания – осложнение региональной стратегической ситуации, в частности усиление военных угроз со стороны КНДР и Китая. Однако наличие американского «ядерного зонтика» делает японский ядерный потенциал ненужным. Как отмечалось в подготов-

ленном ещё в 1995 г. докладе Управления национальной обороны, даже в случае наихудшего сценария, при котором японо-американский альянс прекратит своё существование и произойдёт полный коллапс режима нераспространения ядерного оружия, создание Японией своей атомной бомбы скорее нанесёт ущерб национальной безопасности – не в последнюю очередь, из-за того, что такой шаг неизбежно вызовет крайне негативную реакцию стран – соседей Японии [Concerning the Problem of the Proliferation…, 1995].

Наконец, ещё одним аргументом в пользу хотя бы гипотетической возможности вступления Японии в «ядерный клуб» служит то, что если до 2000-х годов на обсуждение вопроса о нуклеаризации Японии в политической сфере существовало фактическое табу, то в первые два десятилетия XXI века уже можно видеть осторожные попытки отдельных политиков начать обсуждение этой темы. Так, 15 октября 2006 г. председатель политического совета правящей ЛДП Накагава Сёити, выступая по телевидению, заявил: «Мы должны найти способ, чтобы не дать напасть на Японию. Существует мнение, что ядерное оружие может быть одним из способов. Я хочу ясно дать понять, что это не я так говорю и что Япония будет придерживаться неядерных принципов, но надо вести активную дискуссию» [Japan Should Reexamine Its Nuclear Weapons Ban…, 2006]. Сходные заявления делались японскими политиками и в сравнительно недавнее время. Так, в марте 2016 г. Ёкобатакэ Юсукэ, глава законодательного бюро кабинета министров, заявил, что он не считает, что Конституция Японии запрещает использование ядерного оружия в принципе [Найкаку хо:сэйкёкутё:кан…, 2016].

С другой стороны, ряд аргументов говорит в пользу того, что, по крайней мере, в обозримой перспективе, превращение Японии в ядерную державу маловероятно. Так, этому препятствует постоянно подтверждаемая Токио приверженность своему статусу государства, не обладающего ядерным оружием. Ещё в 1955 г. в Японии был принят Базовый закон об атомной энергетике, статья 2 которого гласит, что атомная энергия будет использоваться только в мирных целях. В 1967 г. премьер-министр Сато Эйсаку провозгласил «три неядерных принципа» («не иметь, «не производить», «не ввозить» ядерное оружие), которые впоследствии были оформлены в форме нескольких парламентских резолюций. В феврале 1970 г. Япония подписала Договор о нераспространении ядерного оружия, который, однако, был ратифицирован только в июне 1976 г., после того, как США подтвердили, что готовы использовать ядерное оружие для защиты Японии.

Вместе с тем, выбирая между неукоснительным соблюдением «трёх неядерных принципов» и развитием военного сотрудничества с Вашингтоном, Токио нередко выбирает второе. Как стало известно в конце 2000-х годов, в годы холодной войны правительство закрывало глаза

на заход в японские порты кораблей ВМФ США с ядерным оружием на борту. Совсем недавно, в 2017 г., Япония дала понять, что не собирается подписывать Договор о запрещении ядерного оружия, одобренный 122 странами – членами ООН и подписанный 20 сентября 2017 г., поскольку это было бы несовместимо с курсом опоры на американские гарантии безопасности.

Существенным сдерживающим фактором в отношении обретения Японией ядерного оружия является и критически настроенное общественное мнение. Согласно проведённому летом 2017 г. опросу, против нуклеаризации высказались 74,7% японцев, за – только 9%, а 16,3% воздержались. Для сравнения: в 2016 г. против высказывались 80,3% респондентов, за – 5,1% и воздержались 14,5% [Дай 5 кай никкан…, 2017]. Обострение ситуации на Корейском полуострове, по всей видимости, привело к росту числа сторонников идеи превращения Японии в ядерную державу, но даже сейчас подавляющая часть японцев выступает против. Важную роль здесь играют как память о бомбардировках Хиросимы и Нагасаки, так и укоренившееся представление о Японии как о государстве, придерживающемся принципа государственного пацифизма, а также уверенность в надежности гарантий безопасности со стороны США.

Таким образом, технические возможности создать ядерный арсенал у Японии, несомненно, есть. Вероятно, в случае дальнейшего ухудшения региональной обстановки эта альтернатива будет всё чаще упоминаться в японских политических и общественных дискуссиях. Однако переход к реальному курсу на создание собственного ядерного потенциала потребует не только радикальных изменений общественного мнения, но и отказа Японии от всего комплекса внутренних и внешних нормативных ограничений в этой сфере. При условии сохранения гарантий безопасности со стороны США риски, которые повлечёт нуклеаризация Японии, будут слишком высоки. Поэтому в обозримой перспективе вероятность вступления Японии в клуб ядерных держав можно оценивать как крайне низкую.

Силы самообороны как политический институт

Юридической основой существования Сил самообороны в государственной системе Японии служит принцип гражданского контроля, призванный обеспечить подчинённость вооружённых сил демократически избранным политическим институтам и не допустить вмешательства военных в политику. В соответствии с этим принципом, юридическое и бюджетное регулирование деятельности вооружённых сил осуществляет парламент. Кроме того, именно парламент обладает правом одобрять использование Сил самообороны для защиты страны.

В то же время национальная оборона находится в юрисдикции Кабинета министров. Премьер-министр, действуя от имени всего кабинета,

обладает полномочиями верховного главнокомандующего ССЯ. Министр обороны осуществляет общий контроль и надзор за деятельностью вооружённых сил, в чём ему помогают заместитель министра, два парламентских заместителя министра и старший советник министра [Бо:эй хакусё, 2017, с. 234–235]. Кроме того, важным элементом принятия решений в сфере военной политики является упомянутый выше Совет национальной безопасности (СНБ), ключевым отличием которого от существовавшего до того Совета безопасности является наличие в его составе постоянно действующего органа – Бюро национальной безопасности, которое должно выполнять функции по сбору и анализу информации в сфере национальной безопасности [Harano, 2013].

Принцип гражданского контроля также находит своё воплощение в том, что в соответствии со статьёй 61 Закона о Силах самообороны 1954 года военнослужащие лишены права участвовать в политике иначе, как путём осуществления активного избирательного права. Соответственно, и министр обороны, и прочие члены Кабинета министров обязательно должны быть гражданскими лицами (хотя эти ограничения и не распространяются на отставных военных). Принятие подобных мер в значительной степени объяснялось стремлением не допустить повторения печального опыта довоенной Японии, вставшей на путь агрессии во многом из-за вмешательства вооружённых сил в политику. И потому любые посягательства на принцип политической нейтральности Сил самообороны и сейчас воспринимаются японской общественностью крайне болезненно.

Один из недавних примеров тому – скандал, разразившийся, когда 27 июня 2017 г. во время митинга перед выборами в токийское законодательное собрание министр обороны Инада Томоми призвала собравшихся голосовать за Либерально-демократическую партию, отметив, что выступает в качестве представителя Министерства обороны и Сил самообороны. Это неосторожное заявление вызвало критику не только со стороны оппозиции, потребовавшей от премьера Абэ освободить Инада от должности, но и со стороны её соратников по Либерально-демократической партии. В конечном счёте, этот инцидент, наряду с обвинениями в намеренном сокрытии информации о деятельности контингента Сил самообороны в Южном Судане, стал одной из причин скорой отставки Инада в конце июля 2017 г.

Таким образом, говоря о роли Сил самообороны в политической системе Японии, следует признать, что вооружённые силы Японии фактически лишены политической субъектности. Происходит это как из-за институциональных ограничений, имеющих своей целью обеспечение доминирования обладающих демократической легитимностью гражданских институтов власти, так и в силу сложившейся за послевоенный период политической культуры, в которой политический нейтралитет вооружённых сил считается самоценным.

Силы самообороны и экономика

Говоря об экономических аспектах развития Сил самообороны, следует прежде всего обратить внимание на состояние и динамику военных расходов в Японии. Существенную роль при формировании военного бюджета играют нормативные ограничения, связанные с принципом «государственного пацифизма» – речь, в частности, идёт об уже упомянутом ограничении расходов на оборону 1% ВВП. Он был формально закреплён постановлением правительства в 1976 г., в период премьерства Мики Такэо и строго соблюдался вплоть до 1987 г. [Wright, 2016, p. 5]. Но даже после того, как однопроцентный потолок военного бюджета перестал быть строгим правилом, расходы Токио на оборону, как правило, оставались примерно на этом же уровне. Так, согласно данным Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI), на протяжении всего периода 1991–2016 гг. ежегодные японские военные расходы, как правило, сохранялись в районе 1% ВВП страны. Однопроцентный порог был незначительно превышен только в 2009 (1,02%), 2011 (1,03%), 2012 (1,01%) и 2014 (1,01%) годах. С поправкой на изменения курса национальной валюты ежегодный рост этой статьи бюджета не превышал 2%, а в некоторые годы даже снижался [SIPRI Military Expenditure Database].

Другой экономический аспект роста военного потенциала Японии – текущее состояние и развитие оборонной промышленности. В послевоенные десятилетия её обновление происходило в русле общего курса на совершенствование исключительно оборонительного военного потенциала и ограничение расходов на оборону. В результате к настоящему времени производство оборонной продукции в Японии осуществляется ограниченным количеством частных компаний, для которых оно остается неосновным направлением деятельности [Hughes C. W., 2009, p. 68]. Среди последних можно назвать такие корпорации, как Mitsubishi Heavy Industries, Kawasaki Heavy Industries, Ishikawajima Harima Heavy Industries (IHI), Mitsubishi Electric Corp., NEC [Sugai, 2016].

Хотя собственный военно-промышленный комплекс сформировался в Японии ещё в годы холодной войны, долгое время возможности выхода национальных производителей вооружений на мировой рынок были ограничены политическими причинами. В 1967 г. правительство Сато Эйсаку провозгласило «Три принципа экспорта вооружений», в соответствии с которыми экспорт продукции военного назначения запрещался в адрес коммунистических режимов, в страны, находящиеся под санкциями ООН, а также в государства, вовлечённые в вооружённые конфликты или имеющие предпосылки для участия в них. В 1976 г. правительство Мики Такэо ещё более ужесточило эти ограничения, в результате чего японская военная промышленность фактически потеряла возможность экспортировать свою продукцию, хотя определённое тех-

нологическое сотрудничество с Соединёнными Штатами и продолжалось (в частности, в области создания совместной системы ПРО) [Парамонов, 2016, с. 42–43].

Вместе с тем необходимость расширения кооперации с США и стремление открыть национальным производителям доступ на иностранные рынки привели к тому, что в декабре 2011 г. правительство Нода Ёсихико смягчило запрет на экспорт вооружений, разрешив поставки продукции ВПК для осуществления международного сотрудничества и укрепления мира, а также для совместных военных разработок [Парамонов, с. 44]. 1 апреля 2014 г. «Три принципа» 1967 г. были отменены окончательно, а вместо них были приняты так называемые Три принципа трансфера продукции военного назначения, разрешившие экспорт вооружений при соблюдении нескольких условий. Во-первых, экспорт военной продукции и технологий запрещается в страны, на которые наложено эмбарго в соответствии с международными соглашениями, в которых участвует Япония; в страны, на которые наложены санкции Совета Безопасности ООН; в страны, которые вовлечены в международные конфликты и в отношении которых принимаются соответствующие меры СБ ООН. Во-вторых, требуется, чтобы трансфер военной продукции вносил свой вклад в международное сотрудничество и в обеспечение безопасности самой Японии, причём в отдельных случаях, требующих особого внимания, вопрос должен рассматриваться Советом национальной безопасности. В-третьих, в отношении уже поставленных вооружений должен осуществляться контроль на предмет целей их использования и возможной передачи третьим странам [The Three Principles…, 2014].

Довольно скоро стало ясно, что японским компаниям ещё предстоит приложить немало усилий, прежде чем они смогут занять своё место на мировом рынке вооружений. В полной мере это продемонстрировал пример так и не осуществившейся сделки, которая могла бы стать крупнейшим экспортным проектом для японского ВПК. Речь идёт о конкурсе на строительство нового поколения дизельных подводных лодок для ВМС Австралии. Несмотря на просочившуюся в СМИ информацию о якобы уже достигнутой в 2014 г. договорённости на высшем уровне о передаче подряда японским компаниям, контракт суммой 50 млрд австралийских долл. (около 39 млрд долл. США) в конечном счёте в апреле 2016 г. был передан французской компании DCNS [Gady, 2016].

По всей видимости, в ближайшем будущем пока не приходится ожидать прорывных успехов японского ВПК на мировых рынках. Высокий технологический уровень и репутация качества, которой могут похвастаться японские товары, подчас оказываются недостаточными, чтобы перевесить такие моменты, как недостаток опыта в сфере лобби-

рования сделок на международном уровне, сильная конкуренция со стороны поставщиков других стран, а также отсутствие опыта применения японской военной техники в боевых условиях и сохранение достаточно существенных ограничений на экспорт. Тем не менее, путь на мировые рынки для японских производителей продукции военного назначения, наконец, открыт. Сохранение же японо-американского союза означает, что сделки с другими партнёрами США будут получать существенную международно-политическую поддержку, особенно если эти поставки будут вносить свой вклад в «сдерживание» Китая и реализацию других геополитических целей Вашингтона. Это означает, что в перспективе японские компании смогут начать играть пусть не ведущую, но заметную роль на мировом рынке вооружений.

Силы самообороны и общество

Силы самообороны Японии формируются на полностью добровольной основе. Прямого запрета на проведение призыва в законодательстве не содержится, однако статья 18 Конституции, запрещающая недобровольный труд, может быть интерпретирована и как косвенно запрещающая призывную систему. Учитывая, что в период дискуссии вокруг «законов безопасности» в июле 2015 г. даже премьер-министр Абэ Синдзо высказывался о несовместимости введения призыва с положениями Конституции [Тё:хэйсэй ва дзиминто:…, 2015], можно со значительной степенью уверенности говорить, что в обозримом будущем введение призывной системы в Японии с политической точки зрения практически нереально.

Штатная численность военнослужащих ССЯ по состоянию на март 2017 г. составляет 247 154 человека, из них около 61% относятся к сухопутным войскам, 19% – к военно-воздушным силам, 18% – к военно-морским силам и около 2% – к персоналу Объединённого комитета начальников штабов и других административных органов. Фактическая численность военнослужащих Сил самообороны составляет около 90% от штатной, или, по состоянию на аналогичный период, – 224 422 человека [Бо:эй хакусё, 2017, с. 538]. Кроме того, в штате Министерства обороны состоят около 21 000 гражданских сотрудников – административный и технический персонал, инструкторы и т.п. [Бо:эй хакусё, 2017, с. 418], а в случае необходимости в Силы самообороны могут быть призваны около 61 000 резервистов [Бо:эй хакусё, 2017, с. 539]. Отметим, что ССЯ обладают значительно меньшей численностью, чем армии других стран, сопоставимые по военным расходам и боевой мощи. Так, японские вооружённые силы по численности более чем в 10 раз уступают Народно-освободительной армии Китая, почти в 3 раза – вооружённым силам Республики Корея и оказываются даже меньше, чем вооружённые силы Тайваня, хотя и опережают по этому показателю

армии Франции, Германии или Великобритании [Total Available Active Military Manpower by Country].

Важную роль для укрепления взаимодействия Сил самообороны и общества, а также для улучшения их имиджа играют различные невоенные функции, которые выполняют вооружённые силы. Наиболее значимая из них – проведение спасательных операций в условиях катастроф и стихийных бедствий. Так, после природно-техногенной катастрофы 11 марта 2011 г. для проведения поисково-спасательных операций, оказания помощи пострадавшим, доставки гуманитарных грузов, организации размещения эвакуированных жителей и восстановительных работ было задействовано около 107 000 японских военнослужащих (то есть почти половина личного состава Сил самообороны), а также 16 000 американских военных, что стало крупнейшей мобилизацией японских вооружённых сил за весь послевоенный период. Действия Сил самообороны были высоко оценены японским общественным мнением: проведённый вскоре после этого опрос показал, что 97,7% респондентов позитивно оценили деятельность ССЯ по ликвидации последствий катастроф [Yoshizaki, 2011, p. 77–79].

Значительной была роль ССЯ и в ликвидации последствий других стихийных бедствий последних лет. Так, когда в апреле 2016 г. произошло землетрясение в префектуре Кумамото, в спасательной операции было задействовано до 26 000 военнослужащих сухопутных войск, ВВС и ВМС Сил самообороны. Японское Министерство обороны особо подчеркнуло, что существенная помощь была получена не только от американских, но и от южнокорейских военных [Ministry of Defense, 2016]. Ещё более масштабным было участие ССЯ в борьбе с последствиями наводнений на западе Японии летом 2018 г.: по состоянию на 14 июля 2018 г. в спасательной операции принимали участие более 32 000 военнослужащих (то есть почти 15% всего личного состава японских вооружённых сил), осуществлявших эвакуацию жителей из пострадавших районов, доставку помощи и восстановительные работы [Бо:эйсё:, 2018].

Помимо ликвидации последствий стихийных бедствий, к «гражданским» задачам ССЯ относится утилизация неразорвавшихся бомб и снарядов; помощь в организации спортивных и иных массовых мероприятий; транспортировка в лечебные учреждения тяжелобольных пациентов, особенно проживающих на изолированных островах. Наконец, ССЯ взаимодействуют с гражданскими властями и населением с целью облегчения трудоустройства отставных военнослужащих, проведения мероприятий для улучшения имиджа японских вооружённых сил и американских войск в Японии, разъяснения вопросов военного строительства широкой публике [Бо:эй хакусё, 2016, с. 374–376].

Эти усилия приносят свои плоды, и в настоящее время общественное мнение Японии в целом относится к ССЯ весьма положительно.

Так, по данным регулярно проводимых по заказу японского оборонного ведомства опросов общественного мнения, в 2015 г. 92 % респондентов ответили, что их впечатление от Сил самообороны «хорошее» или «скорее хорошее», в то время как в 1994 г. аналогичная цифра составляла менее 77 %. Тех же, кто ответил, что их впечатление от вооружённых сил страны «плохое» или «скорее плохое», в 2015 г. оказалось менее 5 % против 13 % в 1994 г.

Заслуживает внимания тот факт, что граждане Японии уверены, что функции Сил самообороны далеко не ограничиваются только внешней обороной. В 2015 г. на вопрос о том, каковы, по их мнению, задачи ССЯ, 74 % респондентов действительно назвали защиту страны от внешнего нападения. Но ещё больше, почти 82 % (респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа), сказали, что к таковым относится ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций, почти 53 % назвали поддержание порядка внутри страны и 26 % – иные невоенные задачи.

Благожелательно настроено общественное мнение Японии и к союзу с США. В 2015 г. на вопрос о том, какого курса в области национальной безопасности Японии следует придерживаться в дальнейшем, почти 85 % респондентов в 2015 г. ответили, что необходимо сочетать сотрудничество с Вашингтоном и опору на собственные вооружённые силы. Менее 7 % посчитали, что Токио должен отказаться от союза с США и полагаться для обеспечения национальной безопасности только на ССЯ. Наконец, менее 3 % ответили, что Япония должна отказаться от японо-американского союза и сократить, либо вообще ликвидировать Силы самообороны[1].

Трансформация роли Сил самообороны в перспективе

В начале XXI века Силы самообороны Японии являются хотя и относительно немногочисленными, но хорошо оснащёнными и не уступающими армиям многих других государств вооружёнными силами. Вместе с тем сохраняются некоторые ограничения на военное строительство и использование вооружённых сил, связанные с пацифистской статьёй 9 Конституции. К числу внутренних причин следует отнести настороженность значительной части общества в отношении любых шагов, которые могут быть расценены как возврат к довоенному милитаризму, а также сложившийся в обществе консенсус относительно мирного внешнеполитического курса страны и недопустимости вмешательства военных в политику. Среди внешних факторов следует назвать прежде всего сохранение союза с Соединёнными Штатами, и, соответственно, американского «ядерного зонтика».

[1] Данные опросов взяты: Ёронтё:са : [Опросы общественного мнения] // Канцелярия кабинета министров Японии. URL: http://survey.gov-online.go.jp/index-all.html (дата обращения: 06.07.2018).

Но есть и ряд факторов, которые толкают Японию к отходу от пацифистских принципов и уже привели к существенной их эрозии. Речь идёт о достаточно далеко зашедшей дискуссии о пересмотре 9-й статьи Конституции. Свою роль играет и всё более напряженная международно-политическая обстановка в Северо-Восточной Азии, характеризующаяся ростом военной мощи Китая и сохранением напряжённости на Корейском полуострове.

Исходя из сказанного выше, можно сформулировать следующие сценарии развития Сил самообороны Японии на среднесрочную перспективу. Более консервативный сценарий заключается в том, что процесс расширения возможностей использования Сил самообороны продолжится, но будет, как и в настоящее время, ограниченным не только в ближайшем будущем, но и в средне- и долгосрочной перспективе. При соответствующей политической конъюнктуре возможен пересмотр 9-й статьи Конституции, следствием которого станет легализация ССЯ в качестве полноценной армии. Союз с США сохранится, но будет попрежнему характеризоваться асимметричностью: США продолжат нести обязательства по защите Японии при отсутствии ответных обязательств по отношению к США со стороны Японии. Трудно ожидать каких-либо качественных скачков в оснащении и вооружении Сил самообороны. Вместе с тем определённое увеличение военного бюджета и принятие на вооружение наступательных средств вполне вероятны как реакция на рост военной угрозы со стороны КНДР и КНР.

Альтернативный сценарий основан на представлении о том, что предпринятая кабинетом С. Абэ трансформация политики в области национальной безопасности, включающая изменение трактовки Конституции в части права на коллективную самооборону, приведёт к кардинальному изменению японской политики в области национальной обороны. Это может привести к постепенной «нормализации» роли Сил самообороны, расширению их функциональной роли, географического охвата и возможностей использования вооружённой силы [Hughes C.W., 2017b, p. 98]. Однако реализация подобного сценария, как представляется, может произойти только в долгосрочной перспективе.

Библиографический список

Парамонов О. Г. Выход Японии на мировой рынок вооружений: политический аспект // Японские исследования. 2016. № 3. С. 42–56. DOI: 10.24411/2500-2872-2016-00021

Стрельцов Д. В. Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Институт востоковедения РАН; МГИМО МИД России. М.: Наука – Вост. лит., 2015. 279 с.

Бо:эйсё:. Хэйсэ 30 нэн 7 гацу го:у ни какавару дзиэйтай но сайгай хакэн ни цуйтэ (09 дзи 00 фун гэндзай) : [Министерство обороны Японии. О спасательной операции Сил самообороны в связи с проливными дождями в

июле 2018 года (по состоянию на 09:00)]. 14.07.2018. URL: http://www/mod/go/jp./j/press./news/2018.07.14a.pdf (дата обращения: 15.07.2018).

Бо:эй хакусё. Хэйсэй 28 нэн бан : [Белая книга обороны Японии. 2016]. URL: http://www.mod.go.jp/j/publication/wp/wp2016/w2016_00.html (дата обращения: 06.07.2018).

Бо:эй хакусё. Хэйсэй 29 нэн бан : [Белая книга обороны Японии. 2017]. URL: http://www.mod.go.jp/j/publication/wp/wp2017/w2017_00.html (дата обращения: 06.07.2018).

Дай 5 кай никкан кё:до: ёронтё:са. Никкан ёрон хикаку кэкка : [5 совместное исследование общественного мнения в Японии и Республике Корея. Результаты сравнения общественного мнения в Японии и Республике Корея] // Гэнрон NPO. 21.07.2017. URL: http://www.genron-npo.net/world/ archives/6677.html (дата обращения: 06.07.2018).

Ёронтё:са : [Опросы общественного мнения] // Канцелярия Кабинета министров Японии. URL: http://survey.gov-online.go.jp/index-all.html (дата обращения: 06.07.2018).

Кокурэн хэйва идзи кацудо: : [Япония в Миротворческой деятельности ООН] // МИД Японии. 28.11.2017. URL: http://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/peace_b/genba/pki.html (дата обращения: 06.07.2018).

Найкаку хо:сэйкёкутё:кан какусиё: «кэмпо: дэ кинси сарэдзу»: [Глава законодательного бюро кабинета министров: использование ядерного оружия «не запрещено конституцией»] // Майнити симбун. 18.03.2016. URL: https://mainichi.jp/articles/20160319/k00/00m/010/055000c (дата обращения: 06.07.2018).

Тё:хэйсэй ва дзиминто: кэмпо: со:ан дэ мо кинси сарэтэиру со:ри : [Премьер-министр: призыв запрещён и в предлагаемом ЛДП проекте конституции] // Economic News. 14.07.2015. URL: http://economic.jp/?p=51145 (дата обращения: 06.07.2018).

Chanlett-Avery E., Nikitin M. B. Japan's Nuclear Future: Policy Debate, Prospects, and U.S. Interests // CRS Report for Congress. Congressional Research Service. 19.02.2009. URL: https://fas.org/sgp/crs/nuke/RL34487.pdf (дата обращения: 06.07.2018).

Concerning the Problem of the Proliferation of Weapons of Mass Destruction (Unauthorized Translation) // Japan Defense Agency. 1995. URL: http://www.ucsusa.org/sites/default/files/legacy/assets/documents/nwgs/1995jdastudy.pdf (дата обращения: 06.07.2018).

Gady F. Why Japan Lost the Bid to Build Australia's New Subs // The Diplomat. 27.04.2016. URL: http://thediplomat.com/2016/04/why-japan-lost-the-bid-to-build-australias-new-subs/ (дата обращения: 06.07.2018).

Green M. Ten Myths About Japan's Collective Self-Defense Change // The Diplomat. 10.07.2014. URL: http://thediplomat.com/2014/07/ten-myths-about-japans-collective-self-defense-change/ (дата обращения: 06.07.2018).

Harano J. Japan Launches Its Own National Security Council // Nippon.com. 25.12.2013. URL: http://www.nippon.com/en/genre/politics/l00050/ (дата обращения: 06.07.2018).

Hosoya Y. Japanese politics concerning collective self-defense // Asia's alliance triangle: US–Japan–South Korea relations at a tumultuous time. Ed. by G. Rozman. New York: Palgrave Macmillan, 2015. pp. 127–141.

How Japan might use its military in the future // The Japan Times. 02.07.2014.

Hughes C. W. Japan's Foreign Policy Under the 'Abe Doctrine': New Dynamism or New Dead End? – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. 114 p.

Hughes C. W. Japan's Grand Strategic Shift: From the Yoshida Doctrine to an Abe Doctrine? // Strategic Asia 2017–18. Power, Ideas, and Military Strategy in the Asia-Pacific. – Seattle, Washington, D.C.: NBR, 2017. Pp.72-105.

Hughes C. W. Japan's Remilitarisation. – Oxford, 2009. 186 p.

Hughes C. W. Japan's Strategic Trajectory and Collective Self-Defense: Essential Continuity or Radical Shift? // The Journal of Japanese Studies. Winter 2017. Vol. 43. No. 1. Pp. 93-126. DOI: 10.1353/jjs.2017.0005

Hughes L. Why Japan will not go nuclear (yet): international and domestic constraints on the nuclearization of Japan // International Security. – 2007. №. 4. Pp. 67–96. DOI: 10.1162/isec.2007.31.4.67

Japan Should Reexamine Its Nuclear Weapons Ban, Ruling Party Official Says // Washington Post. 16.10.2006. URL: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/10/15/AR2006101500657.html (дата обращения: 06.07.2018).

Japan's Legislation for Peace and Security: Seamless Responses for Peace and Security of Japan and the International Community // Government of Japan. March 2016. URL: http://www.mofa.go.jp/files/000143304.pdf (дата обращения: 06.07.2018).

Kuperman A. Opinion: Japan's intentional plutonium surplus // Kyodo News. 17.08.2017. URL: https://english.kyodonews.net/news/2017/08/39a5a7121fcf-opinion-japans-intentional-plutonium-surplus.html (дата обращения: 06.07.2018).

Liff A. P. Japan's Defense Policy: Abe the Evolutionary // The Washington Quarterly. Summer 2015. Vol. 38. No. 2. Pp. 79-99. DOI: 10.1080/0163660X.2015.1064711

Ministry of Defense. Japan Defense Focus. Special Feature. 2016 Kumamoto Earthquake. No. 77. Jun. 2016. URL: http://www.mod.go.jp/e/jdf/pdf/jdf_no77.pdf (дата обращения: 14.07.2018).

Oros A. L. Normalizing Japan: Politics, Identity and the Evolution of Security Practice. – Stanford: Stanford University Press, 2008. 282 p.

Pyle K. B. Japan Rising: The Resurgence of Japan Power and Purpose. – New York: Public Affairs, 2007. 433 p.

Sakaki A. Japan's Security Policy: A Shift of Direction under Abe? / SWP Research Paper, March 2015, Berlin.

Samuels R. J. Securing Japan. Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2007. 277 p.

SIPRI Military Expenditure Database // Stockholm International Peace Research Institute. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/SIPRI-Milex-data-1949-2016.xlsx (дата обращения: 06.07.2018).

Soeya Y., Tadokoro M., Welch D. A. Introduction: What Is a 'Normal Country'? // Japan as a Normal Country? A Nation in Search of Its Place in the World

/ ed. by Y. Soeya, M. Tadokoro, D. A. Welch. – Toronto: Toronto University Press, 2011. Pp. 3–15.

Sugai H. Japan's future defense equipment policy // Center for 21st Century Security and Intelligence at Brookings. 2016. URL: https://www. brookings.edu/wp-content/uploads/2016/10/201610_japan_future_defense_hiroyuki sugai.pdf (дата обращения: 06.07.2018).

Suzuki S, Wallace C. Explaining Japan's response to geopolitical vulnerability // International Affairs. July 2018. Volume 94. Issue 4. Pp. 711–734. https://doi.org/10.1093/ia/iiy033

The Guidelines for Japan-U.S. Defense Cooperation // Japan Ministry of Defense. 27.04.2015. URL: http://www.mofa.go.jp/files/000078188.pdf (дата обращения: 06.07.2018).

The Three Principles on Transfer of Defense Equipment and Technology. 01.04.2014 // Japan Ministry of Foreign Affairs. URL: http://www.mofa.go.jp/press/release/press22e_000010.html (дата обращения: 06.07.2018).

Total Available Active Military Manpower by Country // Global Firepower. URL: https://www.globalfirepower.com/active-military-manpower.asp (дата обращения 18.09.2017).

Wright J. The Persistent Power of 1 Percent. How an informal policy changed Pacific regional power dynamics // Sasakawa USA Forum Issue No. 4. 2016. P. 5. URL: https://spfusa.org/wp-content/uploads/2016/09/1-percent-final.pdf (дата обращения: 06.07.2018).

Yoshizaki T. The Military's Role in Disaster Relief Operations: A Japanese Perspective // NIDS International Symposium on Security Affairs 2011. C. 79. URL: http://www.nids.mod.go.jp/english/event/symposium/pdf/2011/e_06.pdf (дата обращения: 06.07.2018).

References

Bo:ei hakusho. Heisei 28 nen ban [Defense of Japan White Paper. 2016]. URL: http://www.mod.go.jp/j/publication/wp/wp2016/w2016_00.html (accessed: 06 July 2018) (In Japanese).

Bo:ei hakusho. Heisei 29 nen ban [Defense of Japan White Paper. 2017]. URL: http://www.mod.go.jp/j/publication/wp/wp2017/w2017_00.html (accessed: 06 July 2018). (In Japanese).

Bo:eisho:.(2018). Heisei 30 nen 7 gatsu go:u ni kakawaru jieitai no saigai haken ni tsuite (09 ji 00 fun genzai) [Ministry of Defense. About disaster relief by the JSDF related to the torrential rains in July 2018 (as of 09:00)]. 14 July 2018. URL: http://www.mod.go.jp/j/press/news/2018/07/14a.pdf (accessed: 15 July 2018). (In Japanese).

Chanlett-Avery, E., Nikitin, M. B. (2009). Japan's Nuclear Future: Policy Debate, Prospects, and U.S. Interests // CRS Report for Congress. Congressional Research Service. 19 February 2009. URL: https://fas.org/sgp/crs/nuke/ RL34487.pdf (accessed: 06 July 2018).

Cho:heisei wa jiminto: kenpo: so:an de mo kinshi sareteiru so:ri [Prime Minister: conscription is forbidden by the LDP constitution draft too] // Economic News. 14 July 2015. URL: http://economic.jp/?p=51145 (accessed: 06 July 2018). (In Japanese).

Concerning the Problem of the Proliferation of Weapons of Mass Destruction (Unauthorized Translation) // Japan Defense Agency. 1995. URL: http://www.ucsusa.org/sites/default/files/legacy/assets/documents/nwgs/1995jdastudy.pdf (accessed: 06 July 2018).

Dai 5 kai nikkan kyo:do: yoroncho:sa. Nikkan yoron hikaku kekka [5th joint survey of public opinion in Japan and the Republic of Korea. Results of comparison of public opinion in Japan and the Republic of Korea] // Genron NPO. 21 July 2017. URL: http://www.genron-npo.net/world/archives/6677.html (accessed: 06 July 2018). (In Japanese)

Gady, F. (2016). Why Japan Lost the Bid to Build Australia's New Subs // The Diplomat. 27 April 2016. URL: http://thediplomat.com/2016/04/why-japan-lost-the-bid-to-build-australias-new-subs/ (accessed: 06 July 2018).

Green, M. (2014). Ten Myths About Japan's Collective Self-Defense Change // The Diplomat. 10 July 2014. URL: http://thediplomat.com/2014/07/ten-myths-about-japans-collective-self-defense-change/ (accessed: 06 July 2018).

Harano, J. (2013). Japan Launches Its Own National Security Council // Nippon.com. 25 December 2013. URL: http://www.nippon.com/en/ genre/ politics/l00050/ (accessed: 06 July 2018).

Hosoya, Y. (2015). Japanese politics concerning collective self-defense, in G. Rozman (ed.), *Asia's alliance triangle: US–Japan–South Korea relations at a tumultuous time*, New York: Palgrave Macmillan: 127–141.

How Japan might use its military in the future // The Japan Times. 02 July 2014.

Hughes, C. W. (2009). Japan's Remilitarisation. – Oxford, 2009. 186 p.

Hughes, C. W. (2015). Japan's Foreign Policy Under the 'Abe Doctrine': New Dynamism or New Dead End? – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. 114 p.

Hughes, C. W. (2017a). Japan's Grand Strategic Shift: From the Yoshida Doctrine to an Abe Doctrine? // Strategic Asia 2017–18. Power, Ideas, and Military Strategy in the Asia-Pacific. – Seattle, Washington, D.C.: NBR, 2017. Pp.72–105.

Hughes, C. W. (2017b). Japan's Strategic Trajectory and Collective Self-Defense: Essential Continuity or Radical Shift? // The Journal of Japanese Studies. Winter 2017. Vol. 43. No. 1. Pp. 93–126. DOI: 10.1353/jjs.2017.0005

Hughes, L. (2007). Why Japan will not go nuclear (yet): international and domestic constraints on the nuclearization of Japan // International Security. – 2007. – №. 4. Pp. 67-96. DOI: 10.1162/isec.2007.31.4.67

Japan Should Reexamine Its Nuclear Weapons Ban, Ruling Party Official Says // Washington Post. 16.10.2006. URL: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/10/15/AR2006101500657.html (accessed: 06 July 2018).

Japan's Legislation for Peace and Security: Seamless Responses for Peace and Security of Japan and the International Community // Government of Japan. March 2016. URL: http://www.mofa.go.jp/files/000143304.pdf (accessed: 06 July 2018).

Kokuren heiwa iji katsudo: [Japan in UN peacekeeping activities] // Japan MoFA. 28 November 2017. URL: http://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/ peace_b/ genba/pko.html (accessed: 06 July 2018). (In Japanese).

Kuperman, A. (2017). Opinion: Japan's intentional plutonium surplus // Kyodo News. 17 August 2017. URL: https://english.kyodonews.net/news/ 2017/ 08/39a5a7121fcf-opinion-japans-intentional-plutonium-surplus.html (accessed: 06 July 2018).

Liff, A.P. (2015). Japan's Defense Policy: Abe the Evolutionary // The Washington Quarterly. Summer 2015. Vol. 38. No. 2. Pp. 79-99. DOI: 10.1080/ 0163660X.2015.1064711

Ministry of Defense. (2016). Japan Defense Focus. Special Feature. 2016 Kumamoto Earthquake. No. 77. Jun. 2016. URL: http://www.mod.go.jp/e/jdf/ pdf/jdf_no77.pdf (accessed: 14 July 2018).

Naikaku ho:seikyokutyo:kan kakushiyou: "kenpo: de kinshi sarezu" [Head of Cabinet Legal Bureau: usage of nuclear weapons "not banned by the constitution"] // Mainichi Shimbun. 18 March 2016. URL: https://mainichi.jp/articles/ 20160319/k00/00m/010/055000c (accessed: 06 July 2018). (in Japanese).

Oros, A.L. (2008). Normalizing Japan: Politics, Identity and the Evolution of Security Practice. – Stanford: Stanford University Press, 2008. 282 p.

Paramonov, O.G. (2016) Vykhod Yaponii na mirovoy rynok vooruzheniy: politicheskiy aspekt [The OutputAppearance of Japan onto the Global Arms Markets: the Political Aspect] // Yaponskiye issledovaniya. № 3. Pp. 42–56. DOI: 10.24411/2500-2872-2016-00021 (In Russian).

Pyle, K.B. (2007). Japan Rising: The Resurgence of Japan Power and Purpose. – New York: Public Affairs, 2007. 433 p.

Sakaki, A. (2015). Japan's Security Policy: A Shift of Direction under Abe? / SWP Research Paper, March 2015, Berlin.

Samuels, R.J. (2007). Securing Japan. Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2007. 277 p.

SIPRI Military Expenditure Database // Stockholm International Peace Research Institute. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/SIPRI-Milex-data-1949-2016.xlsx (accessed: 06 July 2018).

Soeya Y., Tadokoro M., Welch D.A. (2011) Introduction: What Is a 'Normal Country'? in Y. Soeya, M. Tadokoro, D.A. Welch (eds.) *Japan as a Normal Country? A Nation in Search of Its Place in the World*. Toronto: Toronto University Press. Pp. 3–15.

Strel'tsov, D.V. (2015). Vneshnepoliticheskiye prioritety Yaponii v Aziatsko-Tikhookeanskom regione [Japan's foreign policy priorities in the Asia Pacific region] / Institut vostokovedeniya RAN, MGIMO MID Rossii. Moscow: Nauka – Vost. lit. 279 p. (In Russian).

Sugai, H. (2016). Japan's future defense equipment policy // Center for 21st Century Security and Intelligence at Brookings. 2016. URL: https://www. brookings.edu/wp-content/uploads/2016/10/201610_japan_future_defense_hiroyuki sugai.pdf (accessed: 06 July 2018).

Suzuki, S., Wallace, C. (2018). Explaining Japan's response to geopolitical vulnerability, *International Affairs*, 94 (4): 711–734. https://doi.org/10.1093/ ia/iiy033

The Guidelines for Japan-U.S. Defense Cooperation // Japan Ministry of Defense. 27 April 2015. URL: http://www.mofa.go.jp/files/000078188.pdf (accessed: 06 July 2018).

The Three Principles on Transfer of Defense Equipment and Technology. 01 April 2014 // Japan Ministry of Foreign Affairs. URL: http://www.mofa.go.jp/press/release/press22e_000010.html (accessed: 06 July 2018).

Total Available Active Military Manpower by Country // Global Firepower. URL: https://www.globalfirepower.com/active-military-manpower.asp (accessed: 18 September 2017).

Wright, J. (2016). The Persistent Power of 1 Percent. How an informal policy changed Pacific regional power dynamics // Sasakawa USA Forum Issue No. 4. 2016. P. 5. URL: https://spfusa.org/wp-content/uploads/2016/09/1-percent-final. pdf (accessed: 06 July 2018).

Yoroncho:sa [Public opinion surveys] // Japan Cabinet Office. URL: http://survey.gov-online.go.jp/index-all.html (accessed: 06 July 2018). (In Japanese).

Yoshizaki, T. (2011). The Military's Role in Disaster Relief Operations: A Japanese Perspective // NIDS International Symposium on Security Affairs 2011. P. 79. URL: http://www.nids.mod.go.jp/english/event/symposium/pdf/2011/e_06.pdf (accessed: 06 July 2018).